

«ЧЕМ ЖИВЕМ-КОРМИМСЯ»

«Мне необходимо хотя бы раз в год бывать в родной деревне, пожить там, подумать, поговорить с земляками...» — эти слова Федора Александровича Абрамова взяты эпиграфом к документальному повествованию «Дом в Верколе»* вдовы писателя Л. В. Крутиковой. Ведь именно там, в далекой северной деревне, — его самая большая любовь и боль, там истоки его жизни, личности и творчества. В повествование Л. В. Крутиковой включены наброски, планы, заметки Ф. А. Абрамова. Предлагаемый фрагмент — о тех днях, когда писатель искал пути к сознанию и сердцам своих земляков, когда в нем зрело желание сказать им правду о них самих, подвигнуть к активности, к наведению порядка в своем хозяйстве. Это вылилось в письмо к землякам «Чем живем-кормимся», напечатанное в «Пинежской правде» 18 августа 1979 года, затем в «Правде».

Самым значительным событием лета 1979 года было письмо землякам «Чем живем-кормимся». Идея письма возникла в один из июльских вечеров. Насмотревшись на недостатки и беспорядки веркольской жизни, столкнувшись с равнодушием односельчан к совхозным делам, Федор не раз возвращался домой раздосадованный, расстроенный. Хозяйственные неполадки он принимал близко к сердцу, негодовал, переживал, не однажды обижался на состояние дел в сельсовете, то с управляющими, бригадирами, механизаторами, то с друзьями, старожилками. Но все без толку. Поговорят, позубоскалят, позлословят, поубоючат, согласятся с замечаниями, а дальше — какая-то застарелая инертность, ожидание указаний, постановлений, решений сверху, от начальства.

...И в то лето мы много размышляли вдвоем, думали и о веркольских, и общерусских делах. Как-то в разговоре я заметила: «Любят на Руси много говорить — весь пыл уходит в слова. Вот и в Верколе с тобой охотно говорят, соглашаются, а ничего не меняется. Не пора ли словам придать действительность: обратиться к землякам, вдохнови их, взови к их совести. Неужели нельзя самим навести порядок в своей деревне, самим благоустроить свое село? Шестой год мы приезжаем сюда, и каждый раз видим одно и то же: разбитые дороги, грязь около маслозавода, три огромные лужи на центральной улице, где почти все сельчане проходят ежедневно, битые бутылки, склянки, железные банки по берегам Пинеги, а теперь еще начатое и заброшенное строительство библиотеки возле клуба («Стройка века», — злословили веркольцы). Неужели все это нельзя изменить? Ты — писатель. Веркола — твоё родное село. Вот и помоги односельчанам. Надо же с чего-то начинать».

Поначалу Федор огрызнулся: не так все просто, как ты представляешь. Но я не унималась: «А ты попробуй. Ведь Лукашин в твоём романе справедливо рассуждает: если бы каждый навел порядок в своем селе, в поселке, на заводе, не было бы бесхозяйственности и во всей стране. Ты сам считаешь, что надо пробуждать в людях чувство ответственности, совести, активности. Вот и начни с Верколы. Новые дома растут здесь, как грибы, в своих домах — по-

рядок. А почему же в деревне порядка нет? А они ведь многое могут сделать сами, не ожидая указаний начальства».

Через день-два Федор «загорелся открытым письмом землякам». Начал размышлять, вспоминать, подбирать и уточнять факты. Вскоре поделился замыслом письма с М. Г. Поздеевым, первым секретарем Пинежского райкома партии, который сразу оценил и одобрил прямой разговор писателя с земляками: к голосу писателя прислушиваются, большая польза будет району, великое дело сделаете.

Обдумывая письмо, Федор вновь и вновь проверял свои наблюдения и выводы, ходил на развод, на сенокос, на телатник, в клуб, вновь беседовал с людьми, перечитывал недавно сделанные заметки, запрашивал в районе цифровые данные за многие годы, делал новые заметки и наброски. Словом, как всегда, работал с дотошностью исследователя и хорошего хозяина, увлеченного делом...

Работа над письмом шла нелегко. Переживания, сомнения не покидали автора весь месяц, вплоть до опубликования письма 18 августа в «Пинежской правде».

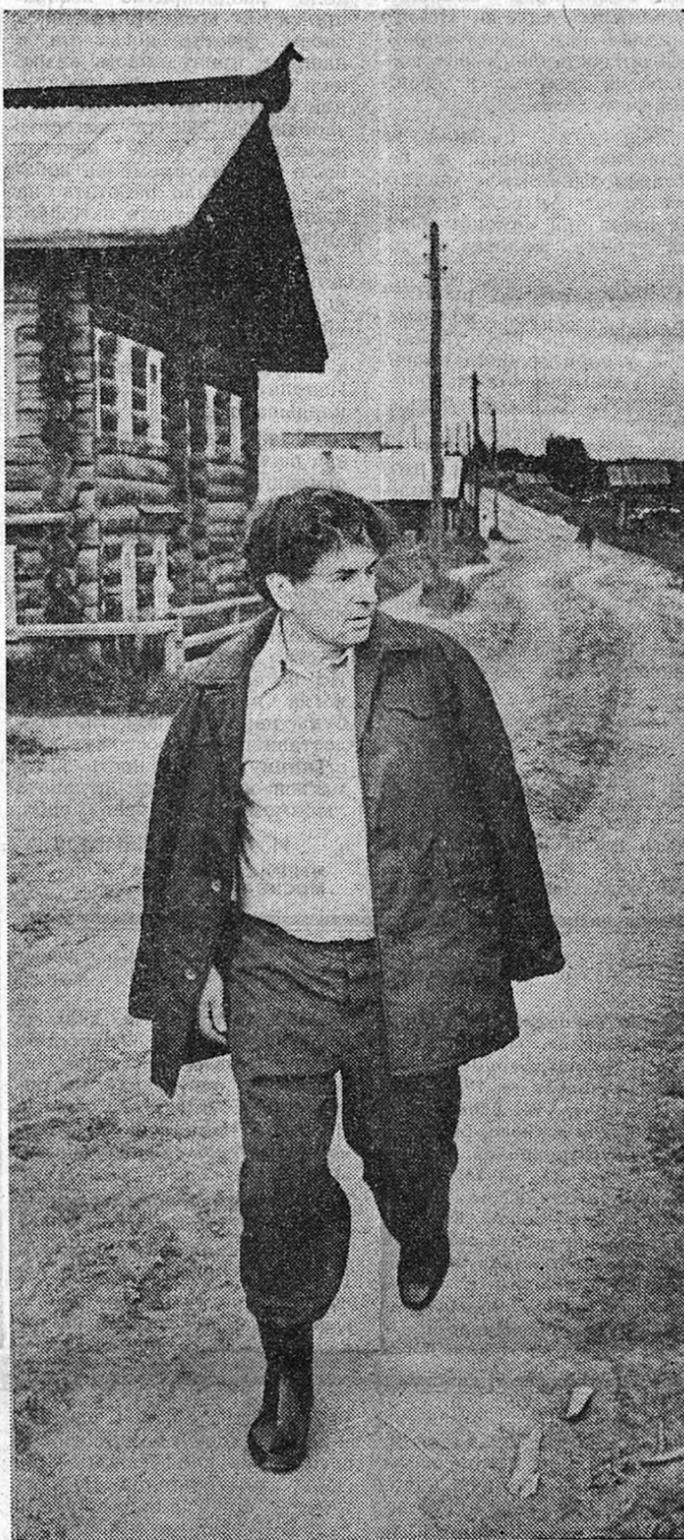
Он не раз спрашивал себя и меня, правильно ли ставит вопрос об ответственности народа за состояние дел в Верколе, не отводит ли вину от руководства, не все ли упирается в организацию. Много думал о возможном ухудшении взаимоотношений с земляками, опасался, правильно ли они поймут смысл, направленность письма. Иногда сомневался даже в нужности, полезности его и не раз ругал меня и себя за то, что связался с такой затеей...

Он прочитал открытое письмо самым близким друзьям. «Одобрели, но особой горячности не проявили». Федор расстроился. Зато поздним вечером 13 августа мы были вознаграждены: вдруг увидели на небе северное сияние и долго любовались этим несравненным чудом природы. Не только я, но и Федор и Д. Клопов впервые видели северное сияние летом. Федор шутил: само небо одобрило статью.

Но — таков уж был его рефлектирующий характер — сомнения не исчезли...

Утром 18 августа с ожиданием газеты с письмом он сказал мне: «Кончилась блаженная жизнь в Верколе. Зачем писал? — и тут же добавил: — Нет, нет, все правильно, телят жалко...»

В те дни он много думал о причинах пассивности и равнодушия людей. В запис-

ной книжке 7 августа подытожил свои размышления:

ПАСИВНОСТЬ И РАВНОДУШИЕ

Сегодня пассивность и равнодушие стали национальным бедствием, угрозой существования страны. Сегодня они приняли такие масштабы, что уже само начальство кричит караул. По крайней мере низшие звенья. Те, что соприкасаются с народом. Те, которые как-никак организуют хозяйственную жизнь... Борьбаться с равнодушием и пассивностью можно лишь открыто — в газетах, по телевидению, по радио...

А расплачиваться за свою пассивность и равнодушие будет сам же народ. Дальше шли небольшие,

но важные заметки. Даже появилась мысль написать статью на волновавшую тему: «Кадение народу, непрерывное славословие в его адрес — важнейшее зло.

Оно усыпляет народ, разлагает его.

Написать статью. Культ, какую бы форму он ни принял, — всегда опасен для народа».

19 августа все опасения рассеялись. Весть о письме еще накануне облетела всю Верколу, письмо читали, обсуждали, радовались, благодарили писателя.

Помню, как окрылен был Федор, с каким вниманием он воодушевленно слушал он разговоры и отзывы земляков, многие записывал и пересказывал мне. Особенно

потрясли его слова одной старухи: «Спасибо, Федор Александрович, и ране знали, что ты писатель, а что такой настоящий, поняли только сегодня».

Больше всего он радовался за Верколу.

19 августа. Великое счастье — «Письмо» земляки одобряют. Значит, не умерла еще Веркола. Есть, есть еще люди, которые хотят добра и справедливости, хорошей жизни — по совести. И это самое главное. А я-то маловвер, я-то как трясся! Слава богу, не сработала на сей раз теория черного варианта.

Еще радует нравственный максимализм земляков: слабовато написал, Александрович, надо бы покруче. А то до ручки дожили.

Похвала земляков дала мне крылья. Летая, а не по земле хожу. И невероятно широкий захват красоты в природе...

20 августа. В полдень пошла Петровна (бывшая телатница) — сияет. Спасибо за «Письмо»! И Саня... — на всю деревню, да еще с поклоном: благодарим, благодарим за статейку!

Звонили по телефону из других деревень, а из Пинеги просто отчеканили: «Бил по Верколе, а попал всюду. Мы знаем: Федор Александрович из пушек по воробьям не стреляет».

Письмо решили обсуждать на сессии сельского Совета. М. Г. Поздеев сообщил, что в районную газету поступают письменные отклики.

Но безоблачное воодушевление длилось дня три, не больше.

22 августа с утра пошел Федор на развод, хотел послушать, «что народ гутарит про «Письмо», какие выводы сделали». И как обухом по голове — по-прежнему смех и зубоскальство.

22 августа. Выводы... Смех! Подошли еще два телатника — ха-ха. И так все 45 минут, пока делали утренний раскур. Что это? Полная неспособность к делу? Или смех — показатель здоровья народа? Эх, да ведь смех-то у веркольцев особенный. Зубоскальство!

Нет, «Письмо» не прошибет веркольцев.

А как ответили механизаторы на мои призывы? Три раза проехали по подгору на тракторе с могучей волокушей. На-ко, писатель, посмотри! Плевали мы на тебя. Делали как раньше, так и будем делать. Кто с нас спросит?

Былые сомнения и переживания вновь захлестнули автора. А тут еще предостерегающие сборы. Нервные, напряженные дни... Разговоры, неверие самих веркольцев в свои силы, и тут же просьбы о помощи...

24 августа. Прощальный и самый напряженный день за лето.

Сборы в дорогу, хлопоты по дому...

В 12 часов — сессия сель-

ского Совета, обсуждение «Письма».

«Народу собралось много. Все нарядные, трезвые...». Сессию открыл и зачитал «Письмо» зам. председателя райисполкома Рудаков.

«Потом долго, как всегда, рассказывались люди. Первыми заговорили женщины, и лишь к концу помаленьку разговорились мужики». Равнодушных не было, выступали учителя, бригадиры, механизаторы, лесники, зав. библиотекой, управляющий, пенсионеры. Но большой радости, как в первые дни, автор не испытал. Его настораживало настроение выступающих.

«Общий тон: надоть, надоть (в духе Сусы-балалайки) и ничего конкретного».

Благодарили меня, одобряли письмо, но все в один голос: самим веркольцам не справиться, нужен «барин»... Лучше всех выступал А. Се-ребренников — взволнованно, бесстрашно...

В заключение слово произнес Федор Александрович, хотя сперва отказался, не хотел выступать. Говорил страстно, запальчиво, доказывал снова необходимость инициативы и активности самих веркольцев в решении многих неотложных дел и проблем.

«Государство — не бездонная бочка. Дотацию государство предоставило временно. Хозяйство должно стать рентабельным. Нельзя рассчитывать на «барина»... Надо самим наводить порядок. Веркола должна выдвинуть своего руководителя».

День закончился в Карпогорах. Читательская конференция о «Доме». Федор давно дал согласие, переносить было нельзя. Поздно вечером — ужин у Бутюковых. Впервые за день немного отошел душой.

На следующий день перед отлетом из Карпогор был долгий разговор в райкоме партии у М. Г. Поздеева. Снова обсуждали веркольские дела, снова с неостывшим запалом делился Федор своими соображениями об оживлении, активизации пинежан, особенно веркольцев.

Сколько неутомимой энергии нес в себе Федор Абрамов, как безжалостно сжигал себя, как хотел помочь землякам, народу, России! И сколько незаслуженных обид, огорчений, упреков выпало на его долю — от земляков, от друзей, от чиновников, даже от писателей, многие из которых не понимали, не разделяли его требовательной, суровой любви к народу.

Написанное летом 1979 года письмо «Чем живем-кормимся» получило затем всеобщую известность. «Молвилось на Пинеге» — ахнуло по всей стране».

Много восторженных откликов пришло из разных уголков страны. Но немало вызвало оно и кривотолков. Немало еще терзаний испытал автор... Но он продолжал жить и сражаться. Неизбывна была его любовь к Верколе, Пинеге, народу, России...

Л. КРУТИКОВА.

* Полностью печатается в журнале «Наш современник» (№ 4, 1986 г.).